

Юрий Лифшиц

Рукописи горят, или Роман о предателях

«Мастер и Маргарита»: наблюдения
и заметки

Юрий Лифшиц

**Рукописи горят, или
Роман о предателях.
«Мастер и Маргарита»:
наблюдения и заметки**

«Издательские решения»

Лифшиц Ю.

Рукописи горят, или Роман о предателях. «Мастер и Маргарита»: наблюдения и заметки / Ю. Лифшиц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835916-3

Воланд не является сатаной, но чертом более низкого ранга; Иешуа Га-Ноцри не имеет ничего общего с Иисусом Христом; «покой», куда помещают мастера и Маргариту, хуже всякого ада; рукописи горят — это и многое другое узнает читатель из настоящей работы поэта и писателя Юрия Лифшица. Автор демонстрирует нестандартный взгляд на героев романа Булгакова и блестящее владением материалом. При оформлении обложки использована картина русского художника В.Г.Перова (1834 — 1882) «Снятие с креста».

ISBN 978-5-44-835916-3

© Лифшиц Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предуведомление для возможных читателей	6
1. Вступление	8
2. Время действия романа	10
3. Второ- и третьестепенные персонажи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Рукописи горят, или Роман о предателях «Мастер и Маргарита»: наблюдения и заметки Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, 2016

ISBN 978-5-4483-5916-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Испытаем, братия, стихи наши без трусости

Вечный огонь беспощаден и свят.

Хорошо горят гениальные рукописи.

Плохие рукописи не горят.

Петр Вегин. Главный эксперимент Хлебникова

Предупреждение для возможных читателей

Если верить Платону, Сократ не любил книг, и, похоже, верному ученику Сократа верить можно, поскольку его учитель книг действительно не писал. Не потому что был неграмотным, а из принципа. Дескать, всякая книга вызывает сплошные вопросы, а спросить не у кого, поскольку автор либо далеко, либо давно умер и «пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки». При чем тут Соловки, автор настоящего текста не постигает, но на своем собственном опыте зная привязчивый характер «Мастера и Маргариты», уже ничему не удивляется.

В случае же с нижеизложенным опусом автор пока еще жив, и ежели что не так, читатель всегда может прибегнуть к крайним мерам. Нет, речь не идет «об выпить хорошую стопку водки», и не «об дать... по морде» автору. (Это цитата из другого автора, но пусть себе стоит, ибо давно хотелось). То есть читатель может отложить чтение в самом его начале, в середине, в конце и вообще где угодно или, на всякий пожарный, вообще его не начинать, а то не ровен час, мало ли что, где тонко – там и рвется, не приведи Господи, вот тебе, бабушка, и Юрьев день и т. д. и т. п.

Все нижеприведенное составлено под тем углом зрения, где автор обретается до сих пор. Это его, автора, собственный, особенный, самоличный, персональный, единственный и неповторимый, обаятельный и привлекательный, прекрасный и удивительный, лучший из всех возможных – угол зрения. Он обживался автором чуть более пяти лет, автору в нем уютно, тепло, светло, под рукой книги, компьютер, интернет, хлеб да соль, и мухи не кусают. Но авторский угол зрения ни в коей мере не заменяет и не отменяет другие углы зрения, тоже в массе своей лучшие из всех возможных для их персональных обладателей.

Итак, плоды пятилетнего авторского ничегонеделания перед читателем, и если он желает понять автора, то ему предстоит принять к сведению следующие соображения:

1. автор ни в коем случае не стремился исчерпать все интерпретаторские возможности, имеющиеся в громадном арсенале наблюдаемого им произведения;

2. каждый свой довод автор пытался подкрепить и подкрепил цитатами из произведения;

3. автор, по мере возможности, оснастил свой текст интеллигентскими оговорками вроде «с моей точки зрения», «как мне представляется», «если принять во внимание», «возможно», «кажется» и т.п., отвергающие возможный упрек в сторону автора о категоричности его высказываний, тем более что они на самом деле категоричны, но вызваны отнюдь не категоричностью автора, а его авторским стилем, принятым в ниженазванном опусе;

4. автор, по мере своих скромных сил, привлек возможный для него контекст, способный прояснить ситуацию с произведением;

5. на протяжении всего текста автор применяет некоторый прием, заключающийся в том, что, высказав определенное суждение, предлагает читателю рассмотреть его более подробным образом несколько позже, тем самым возвращаясь к уже сказанному, но с помощью более широких обобщений;

6. автор ни в коем случае не хотел травмировать психику читателя своим, мягко говоря, нестандартным взглядом на все без исключения персонажи, фигурирующие в произведении, а также и на автора этого произведения;

7. автор... в общем, как сказано в одном широко известном первоисточнике, «еже писахъ – писахъ», тем более что эти слова произнес о Царе Иудейском тот самый «сын короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы», «жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат», который «в белом плаще с кровавым подбоем...» и далее по тексту.

Короче говоря, раз уж в предупреждение, опять же помимо воли автора, снова вторглись «Мастер и Маргарита», стало быть, оно окончено, и читатель может переходить к просмотру

опуса «Рукописи горят, или Роман о предателях». Или не переходить. Ибо вольному – воля, спасенному – рай.

Автор.

1. Вступление

«Мастер и Маргарита» – произведение яркое, глубокое, мощное, страшное, страстное, непредсказуемое, обоюдоострое, взрывоопасное. Оно либо раз и навсегда отторгает от себя читателя, либо бесконечно захватывает – и тоже навсегда. Увлечься им – означает раствориться в нем, пропасть и едва ли не а всю жизнь. Говорю это по собственному опыту: меня роман М.А.Булгакова не отпускает вот уже тридцать с лишним лет.

За это время возникло немало вопросов, и чем дольше я вчитывался в роман, тем больше их появлялось. Почему, к примеру, из целого арсенала дьявольских имен Булгаков избрал практически никому не известное – Воланд? Зачем Воланд явился в Москву со своей адской шпаной? Почему председатель правления литературной организации Берлиоз и главврач психиатрической клиники Стравинский носят *композиторские* фамилии? Почему Иешуа Га-Ноцри разительно отличается от евангельского Иисуса Христа? То, что отличается, было видно еще при первом прочтении, но, подчеркиваю, – почему? Почему в квартирах, разрушаемых Маргаритой, не оказалось ни единой живой души? Почему все женщины на балу у сатаны обнажены? Почему силы добра находятся в каком-то странно зависимом, подчиненном положении по отношению к силам зла? Что или кого считает истинным злом и подлинными злодеями автор романа? Хорошо или плохо заканчивается роман? Чем он вообще заканчивается? Почему из романа в романе о Понтии Пилате на свет Божий вышли всего четыре главы? И т. д. и т. п. Конечно, имеется соблазн объяснить все некоторой незавершенностью романа, ибо автор не успел собственноручно его отредактировать. Однако незавершенность не отменяет истолкований. Мало ли в литературе незаконченных произведений, но даже их незаконченность или фрагментарность используется литературоведами как неплохая возможность для интерпретаций.

В своих размышлениях о романе я намерен исходить из следующей *методологии*: раз за разом ставить перед собой совершенно *детские* вопросы, подобные приведенным выше. Буду опираться в основном на текст *канонической* версии романа, изредка прибегая к его черновым редакциям. В подавляющем большинстве случаев именно окончательная редакция является последней волей автора, хотя по отношению к советским писателям или, точнее, русским писателям, творившим при Советах, это не всегда верно. Тогдашние авторы составляли романы или повести, зачастую имея в виду *генеральную линию партии*, или, сочинив, правили текст в соответствии с нею. Достаточно вспомнить хотя бы А.А.Фадеева, изуродовавшего «Молодую гвардию» по указке Сталина. Но Булгаков, в годы написания «Мастера и Маргариты» находившийся на обочине литературного процесса, все-таки не чета тогдашнему руководителю Союза писателей СССР. Михаил Афанасьевич писал роман секретно и осуществлял его правку, как мне думается, в основном исходя из творческих соображений, а не из требований тогдашней политической конъюнктуры. (Кое в чем и из конъюнктуры, но об этом ниже).

Так, в редакции романа от 1928—29 гг. Воланд в ходе разговора на Патриарших прудах с писателями чертит изображение Христа на песке и, предварительно обозвав поэта Бездомного «интеллигентом», предлагает тому наступить на портрет ногой. «Иванушкин сапог... взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью». Эта сцена, впоследствии вычеркнутая из текста, на мой взгляд, чересчур прямолинейна, картинна и художественно неубедительна. Это очень хорошо доказывает фильм Юрия Кары, эффекта ради принудившего Воланда чертить на асфальте фосфоресцирующий лик Спасителя. И далеко не случайно автор «Мастера и Маргариты» обошелся без этого вычурного эпизода в окончательном варианте романа.

Или взять дневниковую запись от 12 октября 1933 г. Е.С.Булгаковой, супруги писателя: «Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорят, за какие-то сати-

рические басни. Миша нахмурился... Ночью М. А. сжег часть своего романа». Что именно было сожжено, остается только догадываться, возможно, как предполагают исследователи, в огне погибли некоторые страницы с описанием «бала при свечах», куда, по воле автора, возможно, были приглашены политически неблагонадежные, с точки зрения властей, гости. Так или иначе, я думаю, уничтоженный текст едва ли значительно повлиял на концепцию романа, а если Воланда посетили Гитлер и Ленин, как это показано в том же фильме Кары, то художественная несостоятельность такого рода *сближений* очевидна и без комментариев.

Иными словами, желание автора «Дописать раньше, чем умереть» вполне осуществилось, а если в тексте и есть какие-то мелкие недочеты или шероховатости, то на идеологию романа и на его цельность это не особо влияет.

Свои цели и задачи (далеко не все) я формулирую следующим образом. В ходе последующего изложения мне хотелось бы показать, что:

1. подлинный смысл романа заключается не совсем в том, о чем в нем говорится напрямую;
2. автор надеялся напечатать роман при жизни;
3. рукописи горят.

Прочие неупомянутые здесь задачи и цели проявятся (очень на это надеюсь) по мере разворачивания текущего текста.

2. Время действия романа

С датировкой ершалаимских сцен, если верить многочисленным истолкователям, особых проблем нет. Финал земных деяний Иешуа Га-Ноцри происходит накануне иудейской Пасхи и в следующую за нею ночь, то есть 14—15 нисана по древнееврейскому календарю, об этом прямо сказано во 2-й главе. По мнению многих литературоведов, все новозаветные события в романе приходятся на начало апреля 29 или 30 года н. э.

А вот по поводу времени действия московских эпизодов поразмышлять есть о чем, хотя и здесь литературоведы потрудились основательно, и их выводы заслуживают доверия. Называется определенный день прибытия Воланда сотоварищи в столицу: 1 мая 1929 года. На эту дату в том году приходилась православная Пасха; в первый же день мая пролетарии всех стран мира, как обычно, солидарно строятся в ряды; международное сообщество ведьм, как водится, учиняет Вальпургиеву ночь на Брокенской горе. История подлинно существовавшей Фриды Келлер, фигурирующей в тексте под собственным именем, тоже говорит в пользу 1929 года. Фрида родила мальчика в 1899 году, задушила его в 5-летнем возрасте, а по Булгакову – сразу после рождения младенца. Ей уже в течение 30 лет каждое утро аккуратно подают орудие убийства. («К ней камеристка приставлена... и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок. Как она проснется, так он уже тут. Она уж и сжигала его в печи и топила его в реке, но ничего не помогает»).) Плюсуем 1899 год и 30 лет – получаем искомый 1929.

В «Евангелии от Воланда» (одно из предварительных заглавий романа) Иешуа сокрушается:

– Добрые свидетели... все до ужаса перепутали, что я говорил... И думаю, что тысяча девятьсот лет пройдет, прежде чем выяснится, насколько они наврали, записывая за мной.

В основной версии «Мастера и Маргариты» точное число лет заменено расплывчатой формулировкой:

– Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время.

Но дела это не меняет, исследователям есть за что зацепиться, датируя современную составляющую «Мастера и Маргариты», а именно – 1929 г., хотя, мне думается, год прибытия сатаны в столицу не имеет существенного значения, потому что к реальным событиям, неважно в каком году происходившим – в советское время или в новозаветные времена, – роман практически не имеет отношения.

В книге Булгакова предостаточно анахронизмов, никак не стыкующихся с 1929 годом. Торгсин или Торговый синдикат для торговли с иностранцами существовал с января 1931 г. по январь 1936 г. («Примерно через четверть часа после начала пожара на Садовой, у зеркальных дверей Торгсина на Смоленском рынке появился длинный гражданин в клетчатом костюме и с ним черный крупный кот»).) До 1933 г. все радиовещание практически полностью состояло из радиоверсий газет, поэтому Иван Бездомный в погоне за Воландом и его компанией вряд ли мог слышать, как «из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыш и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы «Евгений Онегин», и Иванушку «на всем его трудном пути» едва ли «мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне». Первая ветка троллейбуса была пущена в Москве только в ноябре 1933 г., по Арбату – в декабре 1934. («Откинувшись на удобную, мягкую спинку кресла в троллейбусе, Маргарита Николаевна ехала по Арбату...»).) А I съезд архитекторов открылся в Москве аж в июне 1937 г.:

– Чем буду потчевать? – спрашивает *гаеров* Бегемота и Коровьева-Фагота ресторанный пират Арчибальд Арчибальдович. – Балычок имею особенный... у архитекторского съезда оторвал...

Булгаков либо не придавал этим и прочим временным несообразностям никакого значения, либо не успел отшлифовать его, привести к единому знаменателю то, что нынче вызывает разноголосицу мнений, либо слишком полагался на свою память, каковая даже у талантливых писателей не всегда бывает совершенной. Следует или не следует в таких случаях полагаться на указания автора? Трудно сказать. Рассуждая об этом предмете, необходимо, по-видимому, обратить внимание не только на них, но и на психологию действующих лиц, достоверность их поведенческих установок, общую атмосферу времени, воспроизведенные в тексте. И здесь можно обнаружить немало любопытного.

На мой взгляд, персонажи «Мастера и Маргариты» существуют в условиях зрелого НЭПа, эпохе относительной свободы личности в СССР, определенного плюрализма мнений и способов производства. Ни о каких массовых репрессиях говорить не приходится, советские люди по возможности (у кого они какие) живут в собственное удовольствие, воруют, используют служебное положение (у кого оно есть), заводят любовников и любовниц, пьют горькую и пр. Правда, в 1919 году, по инициативе чекистов, были организованы северные лагеря, где политзаключенные и люмпен-пролетарии должны были исправляться с помощью тяжелого подневольного труда. А в 1923 году особисты учредили Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), и это обстоятельство находит отражение в романе:

– Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

И все же в те годы *посадки* не носят массового характера. В 1928 году количество заключенных во всей системе УСЛОНа составляло 21900 человек, в следующем *году великого перелома* – 65000. И хотя тенденция налицо, в годы НЭПа Сталину не до закручивания гаек, не до литературы и не до «инженеров человеческих душ». Для будущего вождя народов это период острейшей внутривнутриполитической борьбы – за место под солнцем, за власть, наконец, за существование. Ведь, устроившись на советском троне Троцкий, уже Сталину пришлось бы удирать, скажем, в Мексику, кропать обличительные опусы о стране победившего социализма и трястись за свою жизнь, опасаясь возмездия в виде смертельного удара топором.

Пора НЭПа была относительно *вегетарианской* (так говорила А.А.Ахматова о пресловутой хрущевской оттепели). Об этом свидетельствуют факты биографии самого Булгакова. С 1922 по 1926 год в московской газете «Гудок», с которой начал свою столичную литературную деятельность Михаил Афанасьевич, напечатано более 120 его репортажей, очерков и фельетонов. В 1923 году Булгаков вступает во Всероссийский Союз писателей, в 1924 году – публикует роман «Белая гвардия», в 1925 году – сборник сатирических рассказов «Дьяволиада», с 1926 по 1929 гг. его любит Сталин, пьесы будущего автора «Мастера и Маргариты» с успехом идут на лучших сценических площадках столицы: «Дни Турбиных» – во МХАТе, «Багровый остров» – в Московском Камерном театре, «Зойкина квартира» – в Театре им. Вахтангова, причем последняя была написана автором по прямому заказу вахтанговцев, коим требовался лёгкий водевиль «на современную НЭПовскую тему». А запретили спектакль... 17 марта 1929 года «за искажение советской действительности». В этом же году Булгаков и взялся за свой самый загадочный роман, принесший ему мировую, но увы, всего лишь посмертную славу.

Тогдашний булгаковский *бум* происходил под резкую критику сочинений писателя. «Произведя анализ моих альбомов вырезок, – пишет Булгаков Правительству СССР 28 марта 1930 г., – я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных – было 3, враждебно-ругательных – 298». Так, поэт Безыменский назвал писателя «новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». Не стеснялись в выражениях и прочие критики и писатели, говоря о Булгакове как о «литературном уборщике», подбирающем объедки

после того, как «наблевала дюжина гостей». Откровенно издевался над Булгаковым В. В. Маяковский, например, в своей феерической комедии «Клоп»:

П р о ф е с с о р

Товарищ Березкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое «буза»? (*Ищет в словаре.*) Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза – это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...

Но это не мешало, как видим, ни творчеству Булгакова, ни его личной жизни: в 1925 году он женится на Л.Е.Белозерской, в 1929 знакомится со своей будущей третьей женой Е.С.Булгаковой (урождённой Нюренберг, в первом браке – Неёловой, во втором – Шиловской). И только в 1930 г. от Булгакова окончательно отворачивается и фортуна, и Сталин, раз 16—17 с удовольствием посмотревший во МХАТе «Дни Турбиных».

В романе время соответствует, я полагаю, годам с 1925 по 1928. Граждане СССР – поэт Бездомный и писатель Берлиоз – запросто, у всех на виду, разговаривают с иностранцем, кем бы он ни оказался впоследствии, а не шарахаются от него, как это произошло бы несколькими годами позже. Милиции и вообще органов никто особенно не боится, все к ним охотно обращаются, особенно в критических ситуациях, требуя «бронированную камеру» плюс «вооруженную охрану». Кое-кого арестовывают, не без этого, но в основном по делу шайки «гипнотизеров и чревовещателей, великолепно владеющих своим искусством». Никто не погибает в тюрьмах и лагерях, то есть, как мрачно шутили в годы репрессий, естественной смертью. В 15-й главе советских нэпманов и чиновников уговаривают – и только! – сдать золото и валюту, кормят в перерывах между «представлениями», а рыжий бородач сокрушается о «бойцовых гусах в Лианозове». Аннушку, пытавшуюся «вручить кассирше в универмаге на Арбате десятидолларовую бумажку», не только не посадили, но и отправили восвояси, поскольку она «порядком всем надоела». Да и приличный кусок из романа мастера о Понтии Пилате все-таки был опубликован, чего бы нипочем не произошло в постнэповскую эпоху. («Помню, помню этот проклятый вкладной лист в газету, – бормотал гость, рисуя двумя пальцами рук в воздухе газетный лист, и Иван догадался из дальнейших путаных фраз, что... редактор напечатал большой отрывок из романа того, кто называл себя мастером».)

Вскоре, правда, последовали исполненные злобы и несправедливой критики статьи о вышедшем фрагменте: «Враг под крылом редактора» Аримана; Латунского, предполагавшего «ударить, и крепко ударить по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить... ее в печать»; и «Воинствующий старообрядец» Лавровича. Но даже после доноса Алоизия Могарыча о том, что мастер «хранит у себя нелегальную литературу», писатель не был арестован, остался жив, а только спятил от переживаний. Но это уже зависит от индивидуальности автора. Мыслимо ли все это представить вне более-менее благополучного в отношении *ежовых рукавиц* НЭПа, окончательно изничтоженного 11 октября 1931 года постановлением о полном запрете частной торговли в СССР? Если же в романе на самом деле 1929 год (или какой-то другой из 20-х), то он особый, булгаковский, *мастеромаргаритный*, представленный в весьма облегченном варианте, без лагерей и тюрем, с анахронизмами *по обе стороны* от этой почти узаконенной интерпретаторами даты.

Режиссер В. Бортко, поместивший действие «Мастера и Маргариты» в *средневековый* сталинизм, с моей точки зрения, совершил серьезный просчет, и это во многом предопределило – по крайней мере, для меня, – провал его фильма. Причем не только в фактологическом аспекте, но прежде всего – в художественном. Персонажи, сочиненные режиссером, получились лишними и нежизнеспособными, произносящими явно не свои речи, не соответствующие не только тексту, но и контексту булгаковского романа.

3. Второ- и третьестепенные персонажи

Сперва поговорим о московских эпизодах романа, на страницах которого располагается масса действующих и бездействующих лиц. Начнем с Аннушки, ведь это она «уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила», и всем очень хорошо «было известно, что где бы ни находилась или ни появлялась она – тотчас же в этом месте начинался скандал, и кроме того, что она носила прозвище „Чума“». Этой даме из квартиры №48, живущей в непосредственной близости от «нехорошей квартирки», ближе к финалу романа довелось найти потерянный Маргаритой подарок Воланда, и в ее голове тут же «образовалась вьюга»:

– Знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю!.. К племяннику? Или распилить ее на куски... Камушки-то можно выковырять...

Автору скетчей Хустову в разговоре со Степой Лиходеевым дает характеристику сам Воланд:

– Достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он – сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

Степан Богданович ничем не лучше, если не хуже. Его, в свою очередь, аттестуют присные Воланда, «во множественном числе говоря о Степе»:

– Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут.

Вот Никанор Иванович Босой, председатель жилищного товарищества дома №302-бис, взяточник и растратчик. Неслучайно именно ему в портфель самостийно вползает пачка коровьевских банкнот. И слова Воланда о Босом «он выжига и плут» подтверждает чистосердечная автохарактеристика самого Никанора Ивановича, воспоследовавшая чуть позже:

– Господь меня наказует за скверну мою. ... Брал, но брал нашими советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало.

Будучи *притянут к Иисусу*, председатель жилтоварищества, не обинуясь, *сдает* заодно и своих сослуживцев:

– Хорош и наш секретарь Пролежнев, тоже хорош! Прямо скажем, все воры в домоуправлении.

Администратор Варьете Варенуха вроде ничем нехорошим на страницах «Мастера и Маргариты» не отмечен, но зачем же было хамить и лгать по телефону? В глазах нечистой силы, якобы привыкшей к исключительно жантильному обращению, хамство – тоже преступление, за что и был Иван Савельевич на некоторое время превращен в упыря.

Финдиректор Варьете Римский тоже как будто ничего худого не сказал и не сделал, однако и его напугали до смерти, что называется, до кучи, и неизвестно, чем бы все кончилось, не запой неподалеку от *ристаллица* московский петух.

«Хорошо знакомый всей Москве конферансье Жорж Бенгальский» за вранье и болтовню был наказан временным усекновением головы, хотя для Воланда и его креатуры неприкрытая ложь и непрерывная болтовня – естественное состояние, и об этом я еще буду говорить. Впрочем, и Булгаков не удержался определить подручных Воланда как «надувало Фагот... и наглый котяра Бегемот».

Аркадию Аполлоновичу Семплеярову тоже поделом, ибо вместо заседания акустической комиссии московских театров, председателем которой состоит, он отправился в гости к своей возлюбленной, «артистке разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов». Стало быть, Аркадий Аполлонович пострадал за любвеобильность, поскольку, кроме супруги и Милицы Покобатько, ему *для тех же целей* служит безымянная молодая родственница, пару раз врезавшая ему зонтиком по голове во время сеанса черной магии в театре Варьете.

Под личиной Сергея Герардовича Дунчиля, по словам артиста из сна Никанора Ивановича, «скрывается жадный паук и поразительный охмурыло и врун». Слова конферансье очень похожи на правду, поскольку Дунчиль прятал валюту и драгоценности «в городе Харькове в квартире своей любовницы Иды Геркулановны Ворс».

Максимилиан Андреевич Поплавский, не слишком расстроенный гибелью своего дяди Берлиоза, прибыл в Москву предъявить права на освободившуюся жилплощадь, но получил форменный отлуп от Азazelло:

– Возвращайся немедленно в Киев... сиди там тише воды, ниже травы и ни о каких квартирах в Москве не мечтай, ясно?

Засим «экономист-плановик, проживающий в Киеве на бывшей Институтской улице» получил страшный удар жареной курицей по шее, мигом все понял и отбыл на место непосредственного проживания.

Андрей Фокич Соков, буфетчик в Варьете, заявился в квартиру №50 ради восстановления поправленной справедливости в виде ста девяти рублей, превратившихся в «резаную бумагу» после представления. Ведь он – человек бедный, а «двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах... и... двести золотых десятков», разумеется, «не сумма». Сколотил свое несерьезное, по меркам Воланда, состояние Андрей Фокич, видимо, продавая зрителям Варьете «осетрину второй свежести» и «брынзу зеленого цвета» и понуждая «неопрятную девушку» в своем буфете подливать «из ведра в... громадный самовар сырую воду». Буфетчик Соков непременно скончается «от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате» и тем самым в точности подтвердит *диагноз* Воланда:

– Что-то... недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжело больны, или втайне ненавидят окружающих.

С другой стороны, «среди лиц, садившихся» с князем тьмы «за пиршественный стол, попадались иногда удивительные подлецы!». И это абсолютная правда: кого-кого, а подлецов в романе Булгакова хватает.

Не имеющий фамилии Николай Иванович благодаря расшалившейся Наташе, горничной Маргариты, «провел... ночь на балу у сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства ... (боров)», в подтверждение чего выправил себе соответствующий документ без числа, потому что, по словам кота Бегемота, «с числом бумага станет недействительной», ибо «уплочено».

Барон Майгель, «наушник и шпион», сам напросился в гости к Воланду «с целью подсмотреть и подслушать все, что можно» и поплатился за это, став *сырьем* для кровавой сатанинской мессы.

Алоизия Могарыча, донесшего на мастера, тоже не миновала карающая длань бесовского синклита, посетившего Москву. «Шипение разъяренной кошки послышалось в комнате, и Маргарита, завывая:

– Знай ведьму, знай! – вцепилась в лицо Алоизия Могарыча ногтями».

Алоизий понравился мастеру тем, что имел «сюрприз в своем ящике», но, видимо, сюрприз ябедника состоял в его исключительной приспособляемости к обстоятельствам жизни, ибо его не взяли даже черти, не говоря уже о людях.

Под стать этим и другим персонажам, обладающим хотя бы какими-то именами и фамилиями и не имеющим оснований считаться более-менее порядочными людьми, присутствует в романе и большая группа безымянных лиц, пришедших на представление в Варьете и не отличающихся особенной нравственностью. Конечно, «квартирный вопрос... испортил их», поэтому, наверное, они жадны, глупы, ничтожны, подлы, думают только о хлебе насущном и добывают его, исключительно строя пакости друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.